

Геннадий Туманов

Рядом была война

12+

Геннадий Туманов
Рядом была война

«Автор»

1990

Туманов Г. И.

Рядом была война / Г. И. Туманов — «Автор», 1990

Воспоминания отца о юности, что совпала с началом Великой Отечественной войны. Первая любовь, тяжёлые утраты... Тяжёлые испытания, выпавшие на долю их поколения.

© Туманов Г. И., 1990

© Автор, 1990

Содержание

21 июня, суббота	6
22 июня, воскресенье	8
Провожаем на фронт отца	9
Июль – сентябрь сорок первого	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Геннадий Туманов

Рядом была война

– Ища поддержки как, Антей к земле,
Я припадаю к юности и детству
Пока они со мною по соседству,
Мой путь не потеряется во мгле.

21 июня, суббота

Полночь. Пишу эти строчки в моём дневнике, сидя на пригорке, возле палатки нашего туристического лагеря. Недалеко от меня, свесив ноги с обрыва, сидят мои друзья Серёжа и Люба, о чём-то беседуют. Счастливые. Но я, наверное, счастливее их.

Сегодня с утра наш командир, физрук Владимир Петрович назначил нас с Ольгой дежурными по пищеблоку. Одна только мысль, что я вместе с моей одноклассницей, наполняет меня огромной радостью. Мы так увлеклись приготовлением пищи, что не заметили, как подошло обеденное время. Ребята окружили костёр, достали ложки, вилки. Оля раздала миски, нарезала хлеба.

– Чем сегодня кок нас будет кормить? – спросил Володя Бахирев.

– Ммм, как вкусно пахнет! – воскликнул Мухин. – Корми шеф-повар, я живот приготовил!

Я решил побахвалиться.

– Дамы и господа! – воскликнул я, подбоченясь. – Сегодня для вас приготовлен королевский обед! На первое суп по-французски, на второе татарское национальное блюдо – казырма с вермишелью, на третье – африканский чай с острова Цейлон. Готовил для вас специально прилетевший на скоростном самолёте шеф повар Люля-Кебаб Закавказский!

Торжественно разливая черпаком суп подходившим ребятам и девочкам, я продолжил разглагольствовать:

– Сейчас вы узнаете, что такое французская кухня. Отведав знаменитый суп-пюре, называемый "сен-юбер", вы воздадите хвалу вашему повару. Этот повар во все времена во Франции считается одним из лакомых блюд, его подают только по праздникам, но вам чертовски повезло, ибо вы хлебаете его в будний день!

– Эй, ты, Люля-Кебаб! – прервал моё красноречие Мухин. – Твоё варево пересолёно!

– Точно! Сеньор перестарался, – подтвердил Бахирев, не иначе как шеф-повар влюблён! Ты хоть сам-то пробовал суп?

Подчерпнув черпаком суп, я хлебнул и развёл руками.

– Отвергаю ложное обвинение! Суп как суп, с перцем, лаврушкой и, по-моему, даже недосолён.

– Ах, недосолён! – Мухин подал мне свою миску. – В таком случае прошу вас досолить и выкушать сей знаменитый сен-юбер.

– Пожалуйста, – пожал я плечами и, поддев щепотку соли, бросил в миску, размешал и начал есть. Во рту было страшно солоно, суп действительно был пересолён, так и хотелось выплюнуть каждую ложку, которую отправлял в рот, но я крепился и даже улыбался вымученной улыбкой. Съев содержимое миски, я облизал её, облизал ложку, сунул её в карман, а миску подал Мухину.

Все захохотали, смеялись до слёз.

– Преклоняюсь перед твоим мужеством, дорогой шеф! – смеясь, воскликнул Мухин. – Ну, надо же! Сожрать такой пересол! Молодец! Ты выиграл! А мне прошу разбавить кипятком, я люблю недосол.

Разбавить пришлось всем. Оля, моя Оленька, смущённо оправдывала меня:

– Что ж, ребята, бывает...

Вечером у костра пели песни. Оля спела песенку Дженни из кинофильма "Остров сокровищ":

Я на подвиг тебя провожала,

Над страной гремела гроза.

Я тебя провожала, и слёзы сдержала

И были сухими глаза..."

Я слушал Олю, и мне в её голосе показалась какая-то непонятная тревога и грусть, предчувствие чего-то неизбежного.

В полночь расходились по палаткам. Мы с Олей спустились к Волге, взявшись за руки, стояли и смотрели на тихую, слегка дымившуюся паром реку. Мне захотелось искупаться, сняв одежду, в трусах, нырнул в дремавшую реку, вынырнув, крикнул:

– Оля! Вода как парное молоко! Иди купаться!

Оля разделась, в купальнике бегом ко мне. Наверное, больше полчасика Волга держала нас в своих объятиях. Она тихо струилась, когда мы плыли рядом, холодно сверкала тысячами бриллиантов, когда мы, точно малые ребята, брызгали друг друга, смягчала наши удары, когда, бегая по отмели, лупили её ногами, омывала наши спины, когда лежали у берега, высушив из воды головы, и слушали шёпот лёгких волн, набегавших на берег. Потом сидели на берегу. Я обнял девушку, сердце захолонуло. До сих пор ощущаю губами её влажные, холодные ресницы, её губы, мягкие, влажные, тёплые. Оля, прикинувшись к моей груди, слушала, как стучит моё сердце. А кругом тишина. Необыкновенная тишина...

Оленька сейчас в палатке, где спят наши девочки, одноклассницы. А я не могу спать. Уже светлеет. Наступает утро 22 июня 1941 года...

22 июня, воскресенье

Пишу торопливо эти строчки, сидя на старой коряге возле потухшего костра. Свёрнуты палатки, уложено в рюкзаки походное имущество, снята волейбольная сетка, смотаны удочки, ждём команды физрука, чтобы идти на пристань и ехать домой.

– Доброе утро, товарищи! Сегодня 22 июня, воскресенье!

Так спокойно обращался диктор радио к советским людям. Начинался воскресный день отдыха.

И вдруг:

– Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Товарищи, сегодня. 22 июня, в 4 часа утра...

– Тихо, ребята! – крикнул Виталий, слушая свой детекторный приёмник, когда после завтрака собрались у палатки Владимира Петровича, ушедшего к Волге.

– Тихо! Молотов говорит! Слушайте, повторяю за ним: "...без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбардировке со своих самолётов наши города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие..." Жадно слушали Виталия, повторявшего слова Молотова. Из-за берёзок показался Владимир Петрович с полотенцем через плечо, на ходу причёсывая волосы.

– Владимир Петрович! Война! – почти все хором крикнули мы.

– Что?!

– Война с немцами! – воскликнул Шурик Веселов. Киперов изменился в лице, подойдя к Виталию, протянул руку за наушниками. Прослушав несколько минут, снял с головы наушники и каким-то сдавленным голосом медленно произнёс:

– Да, ребята, война.

Провожаем на фронт отца

От Советского Информбюро:

"21 июля наши войска вели упорные бои на Полоцко-Невельском. Смоленском и Новгород-Волынском направлениях. В течение 21 июля немецкие самолёты дважды пытались совершить налёт на Ленинград. При первой попытке сбито 11 немецких самолётов, при второй – 8. Мы потеряли 4 самолёта".

Небольшая привокзальная площадь, выложенная булыжником, заполнена людьми, повозками. В здании вокзала полно народу, в воздухе густой табачный дым, на полу валяются окурки, обрывки газет. Мать и моя сестра Лена, которая на два года старше меня, вместе со мной примостились возле невысокого палисадника привокзального сквера. Здесь, в тени раскидистых тополей, прохладно, отец пошёл узнать, скоро ли подадут состав. С отцом мы совместно простились уже дома, всё переговорено, мать сейчас сидит на небольшом отцовском фанерном чемодане внешне спокойная, только в её грустных глазах видна невыразимая тоска. Мы с сестрой молча наблюдаем за разногласой толпой. Чей-то надрывный голос выводит:

– Ах, куда ты, паренёк, ах, куда ты?

Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты...

Всюду скорбные женские глаза, поникшие головы девушек, суровые мужские лица. И только недалеко от нас несколько парней, окружённые, видимо, родственниками, держатся бодро, а рядом с ними, прислонившись к ограде, стоят два солдата в красноармейской форме, жуют хлеб, запивая из фляжки водой. Мимо нас проходит старик с котомкой за плечами, из толпы показывается молодая цыганка в длинной чёрной юбке, яркой цветастой кофте и закинутой на плечо чёрной атласной шали с шёлковыми кистями. Её смоляные распущенные волосы спадают на плечи. Она оценивающе разглядывает солдат, подходит к ним, протягивает руку.

– Позолоти ручку, солдатик! Всю правду-матку скажу: живой будешь, или буйну головушку сложишь, в войне с погаными, германцами!

Приняв молчание солдат за знак согласия, цыганка продолжает:

– Красавцы, всего один целковый прошу, будешь знать: или грудь в крестах, или голова в кустах! Всю судьбу скажу!

Один из солдат, ухмыльнувшись, достаёт из кармана гимнастёрки десятку.

– Гадай, черноглазая, только ври, да знай меру, лепи свою правду-матку!

– Да разве совру, красавчик! Дай-ка свою руку! Ох, ненаглядный, вижу сразу. Что ты рано своей головой стал думать, рано помощником отцу и матке твоей стал, и дело не отбивалось от рук твоих. Работящий ты парень и ружьё своё крепко будешь держать в руках своих. Переживёшь ты этих проклятых германцев и домой вернёшься живой, невредимый, вся грудь твоя победой будет украшена и встретит тебя жёнка твоя молодая, красивая, поцелует тебя ненаглядного.

– Вот и соврала, черноглазая! – улыбается солдат. – Я ещё не женат.

– Всё равно, красавец, невеста твоя встретит.

– Скажи, цыганка, долго воевать будем?

– Недолго, красавец, к Новому году разобьёте вы немчуру, пир будет на весь мир, свадьбы будут, вино пить будете, целовать невест своих будете!

– Молодец, черноглазая, а теперь про Гитлера что-нибудь брякни.

– Паршивый пёс этот Гитлер, чтоб ему провалиться, ни дна ему, не покрывки! Доберётесь вы, солдатики, до него, и будет ему, поганому, кол осиновый!

– Вот тут ты не врешь! На вот тебе деньги за правду-матку!

Слышится протяжный, паровозный гудок, мощный паровоз ФД медленно толкает к перрону товарные вагоны, оборудованные под теплушки. В широком раструбе динамика, вися-

щего на столбе, раздаётся щелчок, и женский голос монотонно предупреждает о подходившем составе. Когда вагоны останавливаются, над толпой слышится зычный мужской голос:

– По вагонам!

На площади, на перроне толпа пришла в движение, звонче заиграли гармошки, громче послышались возгласы, крики, отчаянно заголосили женские голоса, вся масса людей двинулась к вагонам, прижимая нас к палисаднику. Солдат, которому только что гадала цыганка, закинув рюкзак на плечи, взглянул на Лену, улыбнулся ей

– Гитлера нам бить, девушка. Пожелай нам удачи.

– Счастливо вам, ребята! Желаю от души вернуться с победой!

– Спасибо вам, девушка! Непременно вернёмся!

Из толпы показывается отец.

–Идёмте!

Протискиваемся к теплушкам. Пытаясь удержать в памяти провода и всё, что сейчас происходит на перроне, смотрю на отца, на его чисто выбритые щёки, на подёрнутый морщинами лоб, на светлые брови, на его глаза, которые вдруг повлажнели, как задрожали уголки отцовских губ, чуть зашевелились, его молодецки приподнятые острые кончики светлых усов. Сняв картуз, он передал его мне, крепко обняв, поцеловал мать, потом нас с Леной.

– Всего вам доброго, родные мои! Береги себя, мать, сама знаешь какое у тебя сердце слабое. Не переживай, ждала в гражданскую войну и теперь надеюсь, живой буду.

–Чую, Паша, не увидимся мы больше!

– Что ты, право, заранее меня хоронишь? Успокойся, всё будет хорошо. А вы, Алёнка и Коля, берегите мать.

–Ты себя береги, – прижимается к отцу Лена. – О нас не заботься, над нами небо чистое, до нас далеко.

– Разобьём врага скоро! – бездумно уверенно говорю я.

– Ну, коль уверен, так тому и быть. Что–то я ещё хотел вам наказать, а вот что – забыл.

– Вспомнишь, напишешь, – говорит Лена, – пиши только чаще.

– Обязательно.

Гудит мощный, ФД. Отец, подхватив чемоданчик, вплотную подходит к теплушке, стоявшие в вагоне мужчины, принимают у него чемодан, протягивают ему руки, подхватывают его. Взобравшись, он машет нам рукой. Лязгнув буферами, дрогнули вагоны и медленно тронулись вдоль перрона.

Голосит, надрывается плачем, криками, машет руками, платками стиснутая плотная толпа – всё это действует на нервы, к горлу подкатывает комок, дышать становится трудно. Вместе с Леной машу рукой отцу, кричу, толпа несёт нас по перрону, вслед уходящему составу. Вот проходит мимо нас последний вагон, отца уже не видно, только из последней теплушки под звуки аккордеона уносится вместе с поездом вдаль песня, от слов которой щемит грудь:

А куда же напишу я?

Как я твой узнаю путь?

Всё равно, моя родная,

Напиши куда-нибудь...

Перрон пустеет, мы с сестрой подхватываем мать под руки и идём от вокзала через город на волжскую пристань пригородного сообщения и на речном трамвае едем вниз по Волге домой. Из-за реки с севера дует резкий порывистый ветер, над Волгой несутся лохматые облака.

Июль – сентябрь сорок первого

Прошло три месяца Отечественной войны, но не сразу дошло до сознания многих людей, какая беда надвигается с запада. В первые дни войны в городе Красноволжске и в нашем фабричном посёлке ничего существенного не изменилось, в продуктовых магазинах полки по-прежнему ломились от продуктов, цены на базаре были прежними, а в поведение людей не было смятения, нервозности, особой тревоги. В городском кинотеатре публика смотрела кинокомедию "Музыкальная история", в нашем Нардоме демонстрировался фильм "Если завтра война", в котором несколько красноармейцев гнали прочь с нашей земли целый взвод фашистов, а раненый политрук лихо вскакивал на коня к нашему всаднику, и они оба шашками рубили врага, бегущего в панике. И мы напевали слова песни из этого фильма:

"И на вражьей земле мы врага разгромим

Малой кровью, могучим ударом".

Самодельные артисты ставили спектакль "Серёжа Стрельцов" о семиклассниках, их дружбе, а по вечерам Волгу по-прежнему бороздили катера, лодки гуляющей молодёжи. И только выступление по радио Сталина, третьего июля, отрезвило многих.

Часто по радио звучала песня "Вставай страна огромная" – мужественная, суровая. До войны говорили: "Родина мать", но не могли себе образно представить, как она выглядит – в образ нашей необъятной страны не укладывалось слово "мать". И вдруг увидели её, "Родину-мать", на плакате художника Тоидзе. Она держала в руке текст военной присяги, за ней толпились лес штыков, подняв другую руку, она звала на защиту Родины. Похожая на всех матерей, тревожным взглядом смотрела на людей, и каждый человек, глядя на неё, чувствовал в её глазах боль, надежду, страстный призыв защитить её и благословение на кровавый бой с фашизмом.

Беда ещё катилась где-то у границ страны, а в военкомат, райкомы партии, комсомола, хлынул поток заявлений, и закипел, забурился наш приволжский город, словно вспомнил, как ещё в шестнадцатом веке ему пришлось обороняться от нашествия польской шляхты. Сейчас самыми многолюдными местами стали железнодорожный вокзал и волжские пристани. Пароходы, поезда увозили на фронт очередные партии призывников, добровольцев.

С наступлением осени по Волге потянулись беженцы, эвакуированные, плыли вверх пароходы, буксиры, тянувшие баржи с ранеными, в городе появились люди разных национальностей. В наш посёлок прибыло много ленинградцев, усталые, голодные, они вызывали у жителей жалость и сочувствие, и им, чем могли, оказывали помощь, трудоустраивали на фабрику, в различные организации, поселяли жить в красные уголки домов, к малосемейным жильцам.

В город властно входили тяготы военного времени. Уже в августе стали пустыми полки магазинов, взметнулись вверх рыночные цены, на базаре килограмм хлеба стал стоить сто двадцать рублей, литр молока – восемьдесят, картофель четыреста рублей пуд. Барыги выменивали на хлеб у беженцев золотые кольца, серьги, браслеты. На базаре шныряли тёмные личности, которые ловко одурачивали простоватых колхозниц, приехавших обменивать картошку на ситец, сатин или суровую ткань.

На заборах, досках объявлений расклеивались сводки Информбюро, листовки, плакаты, которые заканчивались призывами: "Всё для фронта! Всё для победы над врагом!" Эти призывы не повисали в воздухе: рабочие, служащие, трудовая интеллигенция без выходных стала трудиться на производстве, рыть за городом окопы, строить бомбоубежища, а по вечерам патрулировали по городу и посёлкам. Школьники зарабатывали на воскресниках деньги и вносили их в фонд обороны страны, девушки записывались на курсы медсестёр. Заботы появились и у пионеров: собирали тёплые вещи, шили кисеты, собирали металлолом, писали письма фронтовикам.

В школе вместо уроков физкультуры изучали военное дело. Учитель, военрук Виктор Васильевич, пожилой сухощавый мужчина, всегда подтянутый, спокойный, вежливый, рассказывает нам о материальной части винтовки Мосина, ручном пулемёте Дегтярёва, учимся разбирать, собирать оружие, бороться с зажигательными бомбами, оказывать первую помощь. Виктор Васильевич учит нас правилам переноски на руках раненых, способах искусственного дыхания по Сильвестру, изучаем основные правила наложения на раны бинтов.

А чёрная тарелка репродуктора в нашей квартире каждый день передаёт тревожные сообщения о продвижении немецко-фашистских захватчиков вглубь нашей страны. Нашими войсками оставлены города Киев, Смоленск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.